

Информация для цитирования:

Баранов А. В. Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах / А. В. Баранов, В. В. Касьянов, Ю. А. Яхутль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 236—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-236-253.

Baranov, A. V., Kasyanov, V. V., Yakhutl, Y. A. (2023). Power Relations and Rural Population in Kuban-Black Sea Region during 1921—1924. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 236-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-236-253. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-236-253

Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах

Баранов Андрей Владимирович *

orcid.org/0000-0001-7109-3062

доктор исторических наук,
доктор политических наук,
профессор кафедры политологии
и политического управления,

* *корреспондирующий автор*

baranovandrew@mail.ru

Касьянов Валерий Владимирович

orcid.org/0000-0002-9844-1802

доктор исторических наук,
доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории России
culture@kubsu.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич

orcid.org/0000-0002-6750-4110

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
a075ca@yandex.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Power Relations and Rural Population in Kuban-Black Sea Region during 1921—1924

Andrey V. Baranov *

orcid.org/0000-0001-7109-3062

Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor,
Department of Political Science
and Political Management,

* *Corresponding author*

baranovandrew@mail.ru

Valery V. Kasyanov

orcid.org/0000-0002-9844-1802

Doctor of History,
Doctor of Sociological Sciences
Professor, Head of the Department
of Russian History
culture@kubsu.ru

Yuri A. Yakhutl

orcid.org/0000-0002-6750-4110

Doctor of History, Associate Professor,
Professor of the Department
of Russian History
a075ca@yandex.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

© Баранов А. В., Касьянов В. В., Яхутль Ю. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются реформы взаимоотношений власти и сельского населения Кубано-Черноморской области при переходе к новой экономической политике (март 1921—1924 годов). Работа выполнена на материалах партийных и государственных органов власти, статистики. Применены системный подход и диахронный сравнительный анализ. Авторы доказывают, что система взаимоотношений власти с сельским населением Кубано-Черноморья до осени 1922 года сохраняла преобладание признаков «военного коммунизма»: принудительности и произвольности налогообложения, назначения органов управления, репрессий. Отмечается, что специфика региона проявлялась в сочетании классового и сословного размежеваний общества, расказачивании. Показано, что переход к НЭПу потребовал коренным образом изменить отношения власти с крестьянством: перейти к принципам материальной заинтересованности и гражданского мира, сделать лояльными середняков и казачество. Подчеркивается, что отношение к нэпу противоречиво, местные партийные и советские работники предпочитали опираться на военно-коммунистические методы. Авторы приходят к выводу, что сформировалась противоречивая система отношений власти и общества на основе компромиссов и косвенного принуждения в ходе продовольственной, земельной политики и во время выборов Советов. К осени 1924 года РКП(б) вынуждена согласиться на уступки крестьянству по основным аспектам реформ.

Ключевые слова:

власть; сельское население; новая экономическая политика; система взаимоотношений; формирование; Кубано-Черноморская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the reforms in power relations between the government and rural population in the Kuban-Black Sea region during the transition to the New Economic Policy (March 1921—1924). The study is based on materials from party and state authorities, as well as statistics. A systemic approach and diachronic comparative analysis are applied. The authors argue that until the fall of 1922, the system of power relations with the rural population in Kuban-Black Sea region maintained the predominance of the features of “war communism”: compulsory and arbitrary taxation, appointment of governing bodies, and repression. The specificity of the region was manifested in the combination of class and estate divisions of society, as well as Cossackization. It is shown that the transition to the NEP required a fundamental change in power relations with the peasantry, shifting towards the principles of material interest and civil peace, making the middle class and Cossacks loyal. It is emphasized that attitudes towards the NEP were contradictory, with local party and Soviet workers preferring to rely on military-communist methods. The authors conclude that a contradictory system of power and social relations was formed based on compromises and indirect coercion during food and land policies and during elections to the Soviets. By the fall of 1924, the RCP(b) was forced to concede to peasant demands on key aspects of reform.

Key words:

power; rural population; New Economic Policy; system of relations; formation; Kuban-Black Sea region.

Взаимоотношения власти и сельского населения Кубано-Черноморской области в 1921—1924 годах

© Баранов А. В., Касьянов В. В., Яхутль Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Исследование реформ взаимоотношений власти и сельского населения периода перехода к новой экономической политике (1921—1924 годы) актуально для осмысления принятия стратегических решений, поиска компромиссов между властью и обществом. Научная проблема мало исследована на материалах Кубани и Черноморья, где переход к НЭПу имел значительные особенности ввиду затяжной и жестокой Гражданской войны, переплетения классовых и сословных факторов противостояния. Тема актуальна для углублённых исследований общественного мнения казачества и крестьянства, разработки методов регулирования региональных конфликтов.

Степень исследованности научной проблемы нельзя признать достаточной. Авторы советских публикаций 1920-х годов: Г. В. Ладоха, И. М. Клейнер, Н. Т. Лихницкий — освещали прежде всего вопросы классового расслоения казачества и крестьянства, подавления «политического бандитизма» [Ладоха, 1923; Клейнер, 1924; Лихницкий, 1931]. Их работы находились на грани между публицистикой и историческим описанием. В 1930 — первой половине 1950-х годов изучение темы почти прекратилось, переход к НЭПу расценивался как вынужденное отступление пролетарской власти перед мелкобуржуазной стихией [Генкина, 1954]. Этап исследований 1956—1988 годов характеризуется постепенным расширением комплекса источников, разработкой новых аспектов, среди которых поиск согласия между властью и казачеством, переход к рыночным методам регулирования социального расслоения. Упомянем важные работы Я. А. Перехова [Перехов, 1966] и В. Е. Щетнёва [Щетнёв, 1967].

Современный этап исследований выделен по критерию методологического и идейного плюрализма; он наступает в конце 1980-х годов и продолжается по сей день. Для работ современных историков значимы освоение междисциплинарных подходов (исторической социологии и психологии, истории повседневности), переосмысление проблемы отношений между властью и крестьянством на основе цивилизационного подхода. В данном контексте важны работы Я. А. Перехова [Перехов, 1997], С. А. Кисли-

цына [Кислицын, 1996], А. В. Баранова [Баранов, 1999], А. П. Скорика и Р. Г. Тикиджьяна [Скорик и др., 2010], Т. В. Панковой-Козочкиной [Панкова-Козочкина, 2012], В. Д. Дзидзоева [Дзидзоев, 2020], А. В. Баранова и Ю. А. Яхутля [Баранов и др., 2022]. Их авторы отмечают постепенность и противоречивость перехода к НЭПу на Юге России, вводят в научный оборот новые источники о повстанческом движении и оппозиционных настроениях земледельцев.

Специализированных зарубежных работ о переходе к НЭПу на примере Кубано-Черноморья нет, но методологически полезны труды американских историков: В. Н. Бровкина о роли социальных групп в Гражданской войне [Brovkin, 1994] и Д. Э. Пеннер о взаимоотношениях власти с казачеством на Дону в 1920-х годах [Penner, 1995].

Несмотря на многочисленность научных работ, слабо изучены такие важные аспекты темы, как внутривластные дискуссии в Кубано-Черноморской областной организации РКП(б), повстанческое движение казаков и крестьян.

Новизна статьи проявляется в исследовании позиции существовавших в тот период органов власти Кубано-Черноморской области по вопросу о взаимоотношениях с казачеством и крестьянством, в анализе документов повстанческих организаций.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — оценить реформы взаимоотношений власти и сельского населения Кубано-Черноморской области при переходе к новой экономической политике (март 1921 — осень 1924 годов).

Источниковая база статьи состоит из неопубликованных документов Российского государственного архива социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Российского государственного военного архива (далее — РГВА), Центров документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО) и Краснодарского края (далее — ЦДНИКК), Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК). Наибольший интерес представляют документы Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) (фонд 1 ЦДНИКК), Кубано-Черноморского областного революционного комитета (фонд Р-158 ГАКК) и отдела управления областного ревкома (фонд Р-102 ГАКК). Среди опубликованных источников существенное значение имеют воспоминания секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А. И. Микояна [Микоян, 1975], сборники информационных сводок и обзоров органов ВЧК [Советская деревня, 1998, т. 1]. Впервые введён в научный оборот ряд документов: обзоры и разведывательные сводки штаба Северо-Кавказского военного округа (ф. 5896 РГВА) и штаба

9-й Кубанской армии (ф. 192 РГВА), отчёты местных партийных организаций РКП(б), листовки повстанческих организаций, публицистические работы оппозиционных политиков [Воронович, 1922; Макаренко, 1926].

Применены системный подход и диахронный сравнительный анализ. В соответствии с системным подходом изучены направления и компоненты взаимоотношений органов власти с сельским населением Кубано-Черноморской области, причинно-следственные связи между политическими решениями органов власти и общественными настроениями различных слоёв земледельцев. Диахронный сравнительный анализ обеспечил выяснение сходств и различий во взаимодействии власти с сельским населением на различных этапах становления НЭПа. Проведена классификация видов и форм взаимодействий органов власти с сельским населением на интервале весны 1921 — осени 1924 года.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условия перехода от политики «военного коммунизма» к НЭПу в Кубано-Черноморской области

Кубано-Черноморская область относится к тем регионам Юга России, где Гражданская война была наиболее затяжной и ожесточённой. Классовые и политические размежевания общества в области переплетались с сословными. Так, кубанское казачество (45,8 % населения) владело 80 % используемых земель [Одинцов, 1927, с. 11]. Это вызвало острый конфликт между казачеством и «иногородним» крестьянством, лишь арендовавшим землю и быстро умножившимся вследствие миграции из Центральной России; душевой надел казака превышал крестьянский почти в 3 раза к началу 1923 года. Среди казаков в большей мере, чем среди «иногородних», был выражен зажиточный слой (23,8 % против 11,8 % в 1917 году) [Козлов, 1977, с. 114]. При этом, согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 18 ноября 1920 года, трудовое землепользование казаков сохранялось в дореволюционном объёме, поскольку передел угодий взорвал бы политическую стабильность на Юге России.

Наступление Красной армии в марте 1920 года позволило восстановить советскую власть на Кубани и Черноморье. Но завершение действий регулярных армий не означало, что закончилась Гражданская война. Этот период характеризовался ростом экономического и политического кризиса, усугублением противостояния населения и власти. Политика «военного коммунизма» вызвала острое неприятие в первую очередь сельского населения. Политический и экономический кризис конца 1920 года — начала 1921 года, возникший вследствие политики «военного коммунизма», спровоцировал повстанческое движение казаков и зажиточных крестьян, которое было способно затянуть Гражданскую войну.

На Кубани и Черноморье уже в апреле 1920 года создаются отряды «бело-зеленых» из числа бывших офицеров и солдат Добровольческой армии, казаков, дезертиров. Причинами быстрого роста недовольства казачества и зажиточной части крестьянства стали чрезмерные размеры продразверстки, повышенные вчетверо летом 1920 года с 30 до 120 млн пудов для всего Юга России [Коллективизация..., 1977, т. 1, с. 7; Воронович, 1922, с. 58—63].

Один из первых приказов Кубано-Черноморского ревкома № 26 от 9 апреля 1920 года определял порядок принудительного изъятия продовольствия у местного населения для его транспортировки в Центральную Россию [ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 11, л. 22]. Летом 1920 года на Кубани сложилась критическая ситуация со сбором хлеба, большинство хлебозаготовительных пунктов простаивало, так как казаки и крестьяне отказывались привозить хлеб. Областное продовольственное совещание ввело военную и экономическую блокаду станиц [ГАКК, ф. Р-581, оп. 1, д. 189, л. 5].

Вследствие продовольственного кризиса поддержка Советской власти в Кубано-Черноморской области сменилась вначале пассивным сопротивлением, а затем — ростом повстанческого движения [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 96, л. 136]. Летом 1920 года активно проявляли себя отряды генерала М. А. Фостикова, полковников П. А. Савицкого, Сухенко и Скакуна, есаула В. Ф. Рябокони и др. [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 17].

Рост антибольшевистских настроений был связан с непопулярностью назначаемых ревкомов, которые по способам формирования и деятельности противоречили традициям казачьего самоуправления. Политика ревкомов, по мнению казаков, выражала интересы «иногородних» крестьян и красноармейцев, которые узурпировали власть [Макаренко, 1926, с. 80—83]. Но главное, что ревкомы были орудием в руках РКП(б).

Кубано-Черноморский областной ревком мог противопоставить нарастающему сопротивлению лишь военный контроль над территорией, который обеспечивался 9-й армией и органами ЧК. По мере нарастающего кризиса местные органы власти принимали противоречивые решения. Так, для расширения социальной опоры власти весной 1920 года в области стали проводить беспартийные крестьянские конференции. Командование Кавказским фронтом в приказе от 29 июня 1920 года грозило повстанцам высшей мерой наказания, а Реввоенсовет 9-й армии гарантировал казакам прощение за «ошибки» и отказывался от «репрессий за прошлое» [ГАКК, ф. Р-382, оп. 1, д. 4, л. 49]. Но это не означало отказа от взятия заложников и вынесения смертных приговоров или заключения в лагерь за невыполнение продразверстки, поддержку мятежников [ГАКК, ф. Р-756, оп. 1, д. 770, л. 4]. Только с 9 июля по 22 августа 1920 года было расстреляно 519 жите-

лей области [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 112, л. 29]. Политика «военного коммунизма» провоцировала открытое недовольство казачества. По мнению Рабоче-крестьянской инспекции Кубано-Черноморской области, до 30 % населенных пунктов в 1920—1921 годы находились под влиянием «белозеленых» [ГАКК, ф. Р-990, оп. 2, д. 112, л. 4].

3.2. Особенности перехода от продразвёрстки к продналогу в регионе

Рост мятежей способствовал постепенному изменению продовольственной политики начиная с марта 1921 года, когда X съезд РКП(б) принял решение о замене продразвёрстки натуральным продналогом. Данный вопрос обсуждался и на VI Кубано-Черноморской областной партийной конференции 24 марта 1921 года [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 293, л. 102]. Началась активная разъяснительная работа среди партийных и продовольственных работников, сельского населения. 15 апреля 1921 года расширенный пленум облисполкома Советов предложил прекратить уголовные дела, возбуждённые в отношении сельского населения по вопросам сбора продовольствия.

Большинство партийных активистов воспользовалось продовольственным нарядом для сопротивления нэпу. Характерна борьба на пленуме Кубано-Черноморского обкома РКП(б) 24 апреля 1921 года. Секретарь обкома М. С. Эпштейн добился принятия тезисов, одобрявших раскулачивание и массовый захват заложников, расширение сети карательных органов. Неплательщиков налога и повстанцев ждала конфискация имущества, их семьи высылались на Север страны. М. С. Эпштейн настаивал: «...никаких политических демократических уклонов на Кубани не может быть. Здесь должна быть прямолинейность, настойчивость и диктатура партии...» [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 20—20 а, 15 а, 15 б].

Напротив, сторонники реформ осудили «проднаряд» и произвольное определение размеров развёрстки. Они создали группу, предложившую пленуму обкома в своём особом мнении допустить частную торговлю и снизить налоги. П. Н. Гудима в июле 1921 года предложил разрешить кооперативную торговлю по свободным ценам и деятельность банков, допустить участие коммунистов в артелях [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 22, 22 а, 26].

На деле методы продразвёрстки активно применялись весь 1921 год и до лета 1922 года. Декреты ВЦИК о замене продразвёрстки продналогом и размерах налога на 1921—1922 годы ещё не сформировали целостную новую политику. Руководство РКП(б) надеялось на то, что снижение налога повысит производительность крестьянских хозяйств [Ленин, 1977, т. 44, с. 7]. Но истощённые станицы не могли выполнить даже сокращённые нормы. Сельские жители Кубани и Черноморья за первый год нэпа не

увидели различий между продразвёрсткой и продналогом. В области согласно решению СНК РСФСР проводился сбор единовременного проднаряда в размере 5,5 млн пудов зерновых, несмотря на голод. Действовали посевные комитеты, принудительно контролировавшие работы в сельском хозяйстве. Местные партийные, советские и продовольственные работники не делали различий между продразверсткой и продналогом [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 53]. Налоговая кампания велась с применением репрессий (блокирования станиц продотрядами, запрета торговли, взятия заложников) [Скорик и др., 2010, с. 356—358]. Областная ЧК сообщала в телеграмме от 8 мая 1921 года, что в апреле настроение хлеборобов ухудшилось ввиду развёрстки на мясо и яйца, единовременного проднаряда, нехватки зерна для посевной кампании [Советская деревня..., 1998, т. 1, с. 426]. Об этом свидетельствует и телеграмма секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А. Г. Белобородова В. И. Ленину от 23 апреля 1921 года: «В разрешении свободной торговли пока что до выполнения хлебного наряда приходится действовать осторожно. Заградотряды стоят. Разрешено продавать на базарах и привозить, за исключением хлеба и фуража в зерне и муке. “Торжище” в широких размерах ещё не началось» [Большевистское руководство..., 1996, с. 203]. Как признавал его преемник в должности А. И. Микоян, летом 1922 года «мы решили с самого начала кампании полностью отказаться от применения вооруженной силы, к чему до этого приходилось, к сожалению, нередко прибегать» [Микоян, 1975, с. 188]. Но и летом 1922 года «некоторые товарищи, справедливо отмечая недостаточность средств в местном бюджете и ссылаясь на хороший урожай, предлагали ввести помимо основного продналога дополнительное налоговое обложение населения» [Там же, с. 189].

Начиная с лета 1920 года по осень 1922 года Кубано-Черноморская область была охвачена повстанческими выступлениями, что заставило объявить регион на военном положении. А. Г. Белобородов сообщал В. И. Ленину 23 апреля 1921 года: «Кубань бурлит. Разрозненные банды начинают объединяться, достигая иногда численности 400—500 бойцов. Движением руководят некоторые члены Рады, скрывшиеся из Екатеринодара. До сих пор не могут ликвидировать восстания казаков, вспыхнувшего между Армавиром и Ставрополем» [Большевистское руководство..., 1996, с. 203]. В середине мая 1921 года были разгромлены в районе ст. Невинномысской отряды «Народных войск Северного Кавказа» под руководством полковника В. А. Даутокова-Серебрякова [РГВА, ф. 192, оп. 3, д. 775, л. 3]. Штаб Северо-Кавказского военного округа докладывал 5 июня 1921 года Реввоенсовету Республики: «Южная и юго-западная часть Кубано-Черноморской области представляют собой почти непрерывный фронт борьбы шаяк,

причем Ейский, Краснодарский, Майкопский и Баталпашинский отделы наиболее опасны по характеру и степени развития бандитизма и требуют максимального напряжения...» [РГВА, ф. 25896, оп. 3, д. 13, л. 231]. Казачество и зажиточная часть крестьян были «недовольны бестактным поведением местных органов, проводящих сбор проднаряда», как признавалось в Государственной информационной сводке № 2085 полпредства ВЧК по Юго-Востоку России от 16 июня 1921 года [Советская деревня..., 1998, т. 1, с. 455—456]. В Краснодарском отделе хлеборобы возмущались завышением ставок налога с 15—35 до 60—65 пуд. зерна с десятины [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 110, л. 48].

Идейная ориентация повстанцев отличалась преобладанием лозунгов эсеровского «трудовластия» и казачьей «самостийности». Подчас выдвигалось требование созвать Учредительное собрание. Типичны листовки «Кубанской повстанческой армии», написанные бывшими членами областной Рады, перешедшими на сторону большевиков в марте 1920 года, а в декабре 1920 года — напротив, к повстанцам, — М. П. Пилюком и П. А. Савицким. В них «кубанский народ» (все жители области до 1914 года) противопоставлен «паразитам-пришельцам». Выдвигаемые лозунги: независимая Кубань, истинное народоправство; свобода личности «без подвалов и чрезвычайчаек»; земля для всех трудящихся, взятая без выкупа у помещиков и капиталистов; неприкосновенность трудовой собственности. Составители листовок заявляли, что «власть новых русских дворян — господ коммунистов, получивших ханский ярлык на Кубани», не имеет ничего общего с нуждами тружеников-красноармейцев. Призыв установить «истинную советскую рабоче-крестьянскую власть» сочетался с сепаратистским лозунгом: «не надо нам ни монархистов, ни коммунистов, Кубань для кубанцев» [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 168—168 об; д. 138, л. 60 об; Р-382, оп. 1, д. 228, л. 127, Советская деревня..., т. 1, с. 412, 415]. Из сводок органов ВЧК известно и о монархическом течении среди «бело-зелёных». Его представляли «Армия возрождения России» генерала М. А. Фостикова и «Штаб помощи Русской армии» полковника М. Н. Жукова. Они, как и «самостийники», стремились привлечь к себе крестьян, поскольку те «тоже терпят гнёт Коммуны». Но их листовки отличались призывами к защите православия и антисемитизмом [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 60; ф. Р-411, оп. 2, д. 198, л. 1—9].

Количество повстанцев в Кубано-Черноморской области достигало наибольших размеров осенью 1920 — весной 1921 года (до 7 тыс. чел.), снизившись к октябрю 1921 года до 3,1 тыс. чел. Перелом в подавлении мятежей был достигнут летом 1922 года [Краткий периодический обзор..., 1922, с. 18—19] благодаря амнистии рядовых повстанцев и переходу к за-

конным способам сбора налогов. Последние отряды «бело-зелёных» были ликвидированы осенью 1924 года.

3.3. Реформы аграрной политики в Кубано-Черноморской области

Большевики были вынуждены постепенно переходить на экономические методы, выстраивая взаимоотношения с сельским населением в расчёте на компромисс интересов. Это заставило к концу 1922 года реформировать налоговую систему. V Кубано-Черноморская конференция РКП(б) в декабре 1922 года признала аренду земли и частный найм рабочей силы [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 39, 43—43 об, 33]. Достижением можно считать решения XII съезда РКП(б), признавшие право крестьян самостоятельно распоряжаться продуктами труда. Для Кубано-Черноморской области это имело определяющее значение, так многие бедные хозяйства отказывались от земельных наделов как объекта налогообложения, возвращая их в земельные фонды [ГАКК, ф. Р-382, оп. 1, д. 544, л. 22]. Вследствие решений XII съезда РКП(б) ВЦИК и СНК 10 мая 1923 года ввели единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) в денежной форме вместо натуральных налогов. Почти на 2/3 снизились размеры налогообложения.

Дефицит бюджета кубанских хозяйств составил 3 млн рублей, что вынуждало продавать скот и инвентарь. Усилилась натурализация хозяйства [Смирнский, 1924, с. 15—16]. Из-за нехватки у крестьян денег и по причине неразвитости торгово-закупочной инфраструктуры ЕСХН вызвал снижение цен на сельскохозяйственную продукцию. Как следствие, ЕСХН был выполнен в 1923 году в основном в натуральной форме [ГАКК, ф. Р-581, оп. 1, д. 133, л. 10]. Большевики продолжали следовать классовым принципам, предоставляя налоговые льготы беднейшей части сельского населения.

В Кубано-Черноморской области в начале 1924 года в сельском хозяйстве назревал очередной кризис, который требовал принятия политических решений. Недовольство казаков и крестьян, связанное с налоговой политикой, нарастало. В этих условиях партийные органы требовали принятия решительных мер против злостных неплательщиков ЕСХН. Вновь на повестку дня встал вопрос о применении силовых методов. Но на данном этапе органы власти уже воздерживались от открытого применения силы, сделав приоритетными судебные разбирательства [ГАКК, ф. Р-389, оп. 1, д. 8, л. 10].

Принятые меры способствовали прекращению открытого военного противостояния в регионе, но экономические проблемы, связанные с ценообразованием на продовольственные продукты, выполнением плана хлебозаготовок, ростом производительности индивидуальных хозяйств, оставались нерешёнными. Низкая цена на зерно, сложившаяся к концу хлебозаготовительной кампании 1923—1924 годов, вынудила хлеборобов

Кубани и Черноморья придержать у себя хлеб и приостановить его сдачу на заготовительные пункты. Государственные органы приняли решение приостановить закупку зерна, не выдавать кредиты частным закупочным организациям, установить лимиты на заготовку зерна. Обком РКП(б) вынужден был усилить налоговый нажим даже на беднейшие слои сельского населения и красноармейские хозяйства [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 3].

Хлебозаготовительный план по стране к осени 1924 года был выполнен на 50 %. Многие регионы ещё не приступили к сбору продналога. В этих условиях органы власти вновь образовали «тройки» во главе с местными руководителями с участием представителей финансовых органов и прокуратуры, которые должны были обеспечить выполнение государственных заданий [Зима, 2019, с. 58].

3.4. Формирование местных органов власти

Легитимизация власти РКП(б) требовала создать и укрепить местные Советы. Но в условиях конфликта между крестьянством и властью выполнить эту задачу было весьма трудно. Начало советизации на Юге России было положено декретом СНК РСФСР от 25 марта 1920 года «О строительстве советской власти в казачьих областях». На Кубани и Черноморье курс советизации приобрел региональную специфику, обусловленную конфликтом между «иностранодним» крестьянством и казачеством на фоне начавшегося передела земли и выступлений «бело-зеленых». И только с осени 1922 года в Кубано-Черноморской области выборы Советов стали проходить без активного сопротивления населения и под контролем правящей партии.

Для большевиков не составило труда упразднить казачье самоуправление. Первый опыт был предпринят летом 1920 года, когда были отменены выборы в местные Советы. Избирательная кампания конца 1920 года в Кубано-Черноморской области прошла при явке избирателей 36 % [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 1, л. 38]. РКП(б) не смогла выполнить задачу — обеспечить в Советах большинство депутатов-коммунистов. На выборы серьезное давление оказывали повстанцы, зажиточные крестьяне и казаки. В этих условиях лояльный состав депутатов позволял большевикам применять репрессии в отношении зажиточных казаков и крестьян. Так, типичный делегат областного съезда Советов — это иностранодний крестьянин-коммунист с начальным уровнем образования [ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 1, л. 38]. Наравне с Советами до 1922 года существовали революционные комитеты, которые являлись параллельной структурой власти. Ревкомы воссоздавались в тех станицах, волостях и районах, где наиболее активно действовали отряды «бело-зеленых».

Переход к новым методам хозяйствования требовал политических свобод, но партийно-государственная власть стремилась к полному контролю

над общественными процессами. Противоречие способствовало продолжению военного противостояния, весной — осенью 1921 года действия «бело-зеленых» подчас парализовывали деятельность местных органов власти. Продовольственные органы применяли принудительные методы для выполнения налоговых заданий.

Переход к нэпу не изменил одного из главных признаков выборов — жёсткого классового и политического ценза. Действенным средством контроля РКП(б) над сельским населением стал механизм голосования. Так, в ряде районов Кубани и Черноморья избирательные комиссии вносили изменения в протоколы, чтобы получить необходимый результат.

Большевики до осени 1922 года активно использовали военно-коммунистические методы аграрной политики, им приходилось противостоять станичной общине, в которой главенствующая роль принадлежала зажиточным казакам [Панкова-Козочкина, 2012].

Во время предвыборной кампании 1922 года сохранялся высокий уровень оппозиционности, поэтому активно применялись меры по лишению избирательных прав нелояльных слоёв населения. Выборы отмечены возросшим уровнем агитационно-пропагандистской работы среди населения, но существенного влияния на итоги выборов это не оказало. Ключевое значение имели решения Совнаркома РСФСР о налогах и реализация принципов, заложенных в новом Земельном Кодексе.

Таким образом, начавшийся процесс большевизации Советов через рост представительства депутатов — членов РКП(б) — и перераспределение в их пользу должностей в исполнительных комитетах позволяли контролировать местные органы власти и лишать оппозицию влияния. Сельское население отреагировало на это снижением явки на выборы. Так, в Приморско-Ахтарском районе из 15 617 избирателей в выборах приняли участие 3 200. В Павловском районе из 10 500 граждан, имевших право участвовать в выборах, на собрания пришли 780 [ЦДНИКК, ф. 9, оп. 3, д. 12, л. 9].

Обеспечив резкое снижение масштабов повстанчества, в 1923 году органы власти повели себя более уверенно [РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 194, л. 61]. Избирательную кампанию 1923 года отличал диктат правящей партии, стремление регламентировать ее итоги. Областной комитет РКП(б) установил нормы явки и процент депутатов-большевиков в Советах всех уровней, что превратило выборы в назначение кандидатур из числа членов партии и лояльных групп (бедняков, красноармейцев). Такая система формировала отношения между властью и населением на основе лояльности к курсу правящей партии. Открытое голосование позволяло контролировать участников предвыборных собраний. Но и в этой кампании

существенных изменений активности населения не произошло. Например, в Краснодарском отделе 270 993 чел. были вправе голосовать, но на выборы пришли всего 4 198 чел. [ГАКК, ф. Р-382, оп. 1, д. 53, л. 40].

РКП(б) смогла обеспечить доминирование своих представителей на областном съезде Советов и в исполкомах. Но политические процессы противоречили содержанию экономического курса: стабилизации курса рубля, введению фиксированного единого сельскохозяйственного налога (1923 год) и переходу к денежной форме его взимания в 1924 году. Усиление этого противоречия продемонстрировали выборы 1924 года. Скрытый протест сельского населения проявился в низкой явке на избирательные собрания. В выборах приняли участие лишь 25 % жителей Кубано-Черноморской области [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 87, л. 126 об]. Выборы в местные Советы выявляли рост противоречий между большевиками и сельским населением. Перед РКП(б) вновь встал вопрос об изменениях своей политики, чтобы избежать повторения политического кризиса 1920—1921 годов. НЭП требовал не только экономического «раскрепощения», но и политического, что ставило перед органами власти задачу отказаться от насилия. По мере упрочения власти РКП(б) постепенно расширялись права Советов как органов управления.

В условиях падения активности избирателей осенние выборы местных Советов в 1924 году были частично отменены по инициативе партийно-государственного руководства. В декабре 1924 года Президиум ЦИК СССР назначил повторные выборы на январь — февраль 1925 года [О пере выборах..., 1925, № 1, ст. 3]. Одновременно был снижен процент лиц, лишённых избирательных прав, проведена амнистия бывших белогвардейцев и репатриантов. Разрешена долгосрочная аренда земли, отменено принуждение на выборах в кооперативных и общинных организациях. Органы власти заявили о союзе с трудовым казачеством. Так начался курс политики «Лицом к деревне» (1924—1926 годы), в котором были реализованы наиболее масштабные уступки сельскому населению.

4. Заключение = Conclusions

Переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу в Кубано-Черноморской области был сложным. Специфика региона проявлялась в сочетании классового и сословного размежеваний общества, расказачивании, продолжении военных действий до 1924 года. Область балансировала на грани полномасштабной Гражданской войны вследствие повстанческого движения казачества и зажиточного крестьянства. Система взаимоотношений власти с сельским населением Кубано-Черноморья до осени 1922 года сохраняла преобладание признаков «военного коммунизма»: принуди-

тельности и произвольности налогообложения, назначаемости органов управления, репрессий. Отношение местных партийных и советских работников к НЭПу было неоднозначным, они по-прежнему использовали военно-коммунистические методы отношений с сельским населением. Формирование низовых органов власти происходило путём их преобразований из назначаемых ревкомов в избираемые Советы. Упрочение власти большевиков на местах было достигнуто вследствие процедур проведения выборов с заранее рассчитанным результатом. В то же время беспартийные конференции, кооперативные объединения, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи стали формами диалога между властью и населением. Сформировалась противоречивая система отношений власти и общества на основе компромиссов и косвенного принуждения в ходе реализации продовольственной, земельной политики и во время выборов Советов. Переход к НЭПу потребовал коренным образом изменить отношения власти с крестьянством: применять принципы материальной заинтересованности и гражданского мира, сделать лояльными середняков и казачество. С осени 1922 года взаимоотношения власти и сельского населения начали постепенно перестраиваться вследствие принятия Земельного кодекса и единого сельскохозяйственного налога, замены принудительного взимания платежей на товарно-денежные отношения. К осени 1924 года РКП(б) согласилась на уступки крестьянству по основным аспектам аграрной политики, начав курс «Лицом к деревне».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Большевистское* руководство. Переписка. 1912—1927 : сборник документов / редкол. : А. В. Квашонкин, А. Берелович, Э. Чинелла и др. — Москва : РОССПЭН, 1996. — 423 с.
2. *Воронович Н. В.* Разоренная Кубань / Н. В. Воронович // *Нужды деревни.* — 1922. — № 3. — С. 58—63.
3. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края. Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома). Оп. 1. Д. 1. Л. 38 ; Д. 3. Л. 1 ; Д. 11. Л. 22 ; Д. 32. Л. 168—168 об ; Д. 138. Л. 60 об. ; Ф. Р-158 (Кубано-Черноморский областной революционный комитет). Оп. 1. Д. 11. Л. 22 ; Ф. Р-382 (Славянский отдельский отдел управления). Оп. 1. Д. 4. Л. 49 ; Д. 53. Л. 40 ; Д. 228. Л. 127 ; Д. 544. Л. 22 ; Ф. Р-389 (Исполнительный комитет Некрасовского станичного Совета). Оп. 1. Д. 8. Л. 10 ; Ф. Р-581 (Исполнительный комитет Приморско-Ахтарского городского и волостного Совета). Оп. 1. Д. 133. Л. 10 ; Д. 189. Л. 5 ; Ф. Р-756 (Отдельские военные комиссариаты Кубано-

Черноморского областного военкомата). Оп. 1. Д. 770. Л. 4 ; Ф. Р-990 (Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета). Оп. 2. Д. 112. Л. 4.

4. *Коллективизация* сельского хозяйства на Кубани. 1918—1927 гг. : сборник документов и материалов / сост. : Н. С. Вертышева и др. — Краснодар : Книжное издательство, 1959. — Т. 1. — 201 с.

5. *Краткий* периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К. В. О. по данным к 1-му июня 1922 г. — Ростов-на-Дону : Штаб СКВО, 1922. — 32 с.

6. *Ленин В. И.* III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г. Тезисы доклада о тактике РКП / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва : Политиздат, 1977. — Т. 44. — С. 3—12.

7. *Макаренко П. Л.* 3 життя Кубани під радянською комуністичною владою (1920—1926 рр.) / П. Л. Макаренко // Збірник статтів про Кубань і кубанців. — Прага : Видання Громади кубанців в Чехословацькій Республіці, 1926. — С. 75—192.

8. *Микоян А. И.* В начале двадцатых... / А. И. Микоян. — Москва : Политиздат, 1975. — 383 с.

9. *О перевыборах* в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий : Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов СССР от 29 декабря 1924 г. // Собрание законодательства СССР. — 1925. — № 1. — Ст. 3.

10. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (Центральный комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 11. Д. 194. Л. 61 ; Ф. 64 (Кавказское областное бюро РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

11. РГВА — *Российский* государственный военный архив. Ф. 192 (Управление войсками 9-й Кубанской армии). Оп. 3. Д. 775. Л. 3 ; Ф. 25896 (Управление войсками Северо-Кавказского военного округа). Оп. 3. Д. 13. Л. 231.

12. *Советская* деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД : Документы и материалы 1918—1939. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. — Москва : РОССПЭН, 1998. — Т. 1. — 864 с.

13. ЦДНИКК — *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 33. Л. 3 ; Д. 92. Л. 20—20 а, 15 а, 15 б, 22, 22 а, 26 ; Д. 110. Л. 48 ; Д. 112. Л. 29 ; Д. 293. Л. 102 ; Д. 202. Л. 39, 43—43 об, 33 ; Ф. 8 (Кубанский окружной комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 87. Л. 126 об ; Ф. 9 (Черноморский окружной комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 3. Д. 12. Л. 9 ; Ф. 17 (Краснодарский отдельный комитет РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 20. Л. 17.

14. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4 (Донской областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 67. Л. 53.

Литература

1. *Баранов А. В.* Многоукладное общество в русских областях Северного Кавказа в 1920-х гг. : тенденции развития : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. В. Баранов. — Ростов-на-Дону, 1999. — 612 с.

2. *Баранов А. В.* Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России : особенности взаимодействия власти и сельского населения / А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 276—287. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201.

3. Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922) / Э. Б. Генкина. — Москва : Госполитиздат, 1954. — 504 с.
4. Дзидзоев В. Д. Переход к НЭПу и проблемы крестьянства Юга России / В. Д. Дзидзоев // Вестник Владикавказского научного центра РАН. — 2020. — Т. 20. — № 1. — С. 14—21. — DOI: 10.23671/VNC.2020.1.56942.
5. Зима В. Ф. Продолевственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921—1925 гг. / В. Ф. Зима // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2019. — № 3 (51). — С. 51—68. — DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6.
6. Кислицын С. А. Государство и расказачивание, 1917—1945 гг. / С. А. Кислицын. — Ростов-на-Дону : Изд-во Донского юридического института, 1996. — 80 с.
7. Клейнер И. М. Действительность кубанской станицы / И. М. Клейнер. — Краснодар : Буревестник, 1924. — 122, II с.
8. Козлов А. И. На историческом повороте / А. И. Козлов. — Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского государственного университета, 1977. — 214 с.
9. Ладоха Г. В. Очерки гражданской борьбы на Кубани / Г. В. Ладоха. — Краснодар : Буревестник, 1923. — 122 с.
10. Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани / Н. Т. Лихницкий. — Ростов-на-Дону : Северный Кавказ, 1931. — 191, I с.
11. Одинцов С. С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции / С. С. Одинцов // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. — 1927. — № 11. — С. 3—15.
12. Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа : проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / Т. В. Панкова-Козочкина. — Новочеркасск : Лик, 2012. — 268 с. — ISBN 978-5-9947-0322-9.
13. Перехов Я. А. Власть и казачество : поиск согласия (1920—1926 гг.) / Я. А. Перехов. — Ростов-на-Дону : Гэфест, 1997. — 137, I с. — ISBN 5-87442-051-7.
14. Перехов Я. А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство, 1920—1925 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Я. А. Перехов. — Ростов-на-Дону, 1966. — 303 с.
15. Скорик А. П. Переход к НЭПу в проблемном поле локальной истории Дона / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджян // Диалог со временем. — 2010. — № 30. — С. 352—361.
16. Смирнский В. И. Население и хозяйство Кубанского округа к началу 1924—1925 года : общий очерк / В. И. Смирнский. — Краснодар : Кубано-Черноморское областное статистическое бюро, 1924. — 46, VI с.
17. Щетнёв В. Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920—1927 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / В. Е. Щетнёв. — Краснодар, 1967. — 306 с.
18. Brovkin V. N. Behind the Front Lines of the Civil War : Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922 / V. N. Brovkin. — Princeton : Princeton University Press, 1994. — 455 p.
19. Penner D. A. Pride, Power and Pitchforks : Farmer-Party Interaction on the Don, 1920—28. PhD Dissertation / D. A. Penner. — Berkeley : University of California, 1995. — 653 p.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2023,
одобрена после рецензирования 23.08.2023,
подготовлена к публикации 28.09.2023.*

Material resources

- A brief periodic review of the insurgent movement in the territory of the S.-K. V. O. according to data by June 1, 1922.* (1922). Rostov-on-Don: Headquarters of the SQUAW. 32 p. (In Russ.).
- CDNIKK — *Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory. F. 1 (Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP(b)).* (In Russ.).
- Collectivization of agriculture in the Kuban. 1918—1927: collection of documents and materials, 1.* (1959). Krasnodar: Book Publishing House. 201 p. (In Russ.).
- GACC — *State Archive of Krasnodar Krai. F. R-102 (Department of the Kuban-Black Sea Regional Executive Committee).* (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1977). III Congress of the Communist International June 22 — July 12, 1921 Abstracts of the report on the tactics of the RCP. In: *The Complete Collection of Sochineni, 44.* Moscow: Politizdat. 3—12. (In Russ.).
- Makarenko, P. L. (1926). 3 the life of Kuban pidradyanskoyu Russian communist vladoyu (1920—1926 pp.). In: *Zbirnik stattiv pro Kuban I kubanciv.* Prague: Vidannya Gromadi kubantsiv in the Czechoslovak Republic. 75—192. (In Russ.).
- Mikoyan, A. I. (1975). *In the early twenties ...* Moscow: Politizdat. 383 p. (In Russ.).
- On reelections to the Soviets in those areas where there were irregularities in the work of election commissions: Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the Soviets of the USSR dated December 29, 1924. *Assembly of Legislators of the USSR, 1. Article 3.* (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive socio-political history. F. 17 (Central Committee of the RCP(b) — CPSU(b)).* (In Russ.).
- RGVA — *Russian State Military Archive. F. 192 (Command of the troops of the 9th Kuban Army).* (In Russ.).
- The Bolshevik leadership. Correspondence. 1912—1927: Collection of documents.* (1996). Moscow: ROSSPEN. 423 p. (In Russ.).
- The Soviet village through the eyes of the CHEKA — OGPU — NKVD: Documents and materials 1918—1939. In 4 volumes, 1.* (1998). Moscow: ROS-SPAN. 864 p. (In Russ.).
- TSDNIRO — *Documentation Center of the modern history of the Rostov region. F. 4 (Don Regional Committee of the RCP(b)).* (In Russ.).
- Voronovich, N. V. (1922). Ravaged Kuban. *Needs of the village, 3:* 58—63. (In Russ.).

References

- Baranov, A. V. (1999). *Multicultural society in the Russian regions of the North Caucasus in the 1920s: development trends.* Doct. Diss. Rostov-on-Don. 612 p. (In Russ.).
- Baranov, A. V., Yahutl, Yu. A. (2022). The transition from “war communism” to the NEP in the Cossack regions of Southern Russia: features of interaction between the authorities and the rural population. *Modern History of Russia, 12 (2):* 276—287. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201. (In Russ.).
- Brovkin, V. N. (1994). *Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922.* Princeton: Princeton University Press. 455 p.
- Dzidzoev, V. D. (2020). Transition to the NEP and problems of the peasantry of the South of Russia. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 20 (1):* 14—21. DOI: 10.23671/VNC.2020.1.56942. (In Russ.).
- Genkina, E. B. (1954). *Transition of the Soviet state to a new economic policy (1921—1922).* Moscow: Gospolitizdat. 504 p. (In Russ.).

- Kislitsyn, S. A. (1996). *The state and storytelling, 1917—1945*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Don Law Institute. 80 p. (In Russ.).
- Kleiner, I. M. (1924). *The reality of the Kuban village*. Krasnodar: Burevestnik. 122, II p. (In Russ.).
- Kozlov, A. I. (1977). *At a historical turn*. Rostov-on-Don: Rostov State University Press. 214 p. (In Russ.).
- Ladokha, G. V. (1923). *Essays of the civil struggle in the Kuban*. Krasnodar: Petrel. 122 p. (In Russ.).
- Likhnitsky, N. T. (1931). *Class struggle and kulaks in the Kuban*. Rostov-on-Don: North Caucasus. 191, 1 p. (In Russ.).
- Odintsov, S. S. (1927). Agriculture of the North Caucasus region to the decade of the October Revolution. *Izvestia of the North Caucasus Regional Executive Committee*, 11: 3—15. (In Russ.).
- Pankova-Kozochkina, T. V. (2012). *Cossack-peasant economy of the NEP era: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia*. Novocheerkassk: Lik. 268 p. ISBN 978-5-9947-0322-9. (In Russ.).
- Penner, D. A. (1995). *Pride, Power and Pitchforks: Farmer-Party Interaction on the Don, 1920—28*. Ph. D. Dissertation. Berkeley: University of California. 653 p.
- Perekhov, Ya. A. (1966). *The policy of the Communist Party on the involvement of the Don and Kuban Cossacks in socialist construction, 1920—1925*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 303 p. (In Russ.).
- Perekhov, Ya. A. (1997). *Power and the Cossacks: the search for consent (1920—1926)*. Rostov-on-Don: Hephaestus. 137, 1 p. ISBN 5-87442-051-7. (In Russ.).
- Shchetnev, V. E. (1967). *Class struggle in the Kuban stanitsa (1920—1927)*. PhD Diss. Krasnodar. 306 p. (In Russ.).
- Skorik, A. P., Tikijyan, R. G. (2010). Transition to the NEP in the problem field of the local history of the Don. *Dialogue with time*, 30: 352—361. (In Russ.).
- Smirnsky, V. I. (1924). *Population and economy of the Kuban district by the beginning of 1924—1925: a general sketch*. Krasnodar: Kuban-Black Sea Regional Statistical Bureau. 46, VI p. (In Russ.).
- Winter, V. F. (2019). The food problem in the USSR at the first stage of the new economic policy in 1921—1925. *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 3 (51): 51—68. DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6. (In Russ.).

*The article was submitted 28.07.2023;
approved after reviewing 23.08.2023;
accepted for publication 28.09.2023.*